

Предисловие
от самого популярного автора сети

СТЕЙС КРАМЕР

18+

МАРЮОН. 13
МНЕ ВСЕГДА

НОРА ФРЕЙСС

Звезда Рунета

Нора Фрейсс

Марион. Мне всегда 13

«АСТ»

2015

УДК 94(100)»1939/45»
ББК 63.3(0)62

Фрейсс Н.

Марион. Мне всегда 13 / Н. Фрейсс — «АСТ», 2015 — (Звезда Рунета)

ISBN 978-5-17-098763-4

Чума – это эпидемия 17 века, а что же стало эпидемией 21 века? Как ни удивительно – это насилие. Однако благодаря развитию технологий возможности насилия возросли в разы, теперь оно может осуществляться и в сети, и посредством мобильной связи – что делает человека досягаемым почти везде. И все чаще жертвами становятся подростки, чье окружение делает из них козла отпущения, не давая продохнуть ни в школах, ни после занятий. «Марион. Мне всегда 13» – это история жизни... Жизни после смерти тринадцатилетней Марион, ставшей жертвой цифрового насилия и обессиленной от борьбы с невидимым и видимым врагом, устав от равнодушия взрослых, что наблюдали за травлей.

УДК 94(100)»1939/45»

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-17-098763-4

© Фрейсс Н., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Предисловие	6
От редакции	7
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Нора Фрейсс

Марион. Мне всегда 13

Посвящается Марион

Nora Fraisse
Marion, 13 ans pour toujours

Печатается с разрешения издательства Calmann-Lévy,
31, rue de Fleurus 75006 Paris.

Предисловие

Что-то болезненно сжималось внутри меня во время чтения этого произведения. Книга «Марион, всегда 13» Норы Фрейс цепляет за живое, пронизывает до глубины души. С самых первых строк вы погружаетесь в мир обездоленной матери, которая пытается разобраться в причине смерти своей тринадцатилетней дочери. Горе не сломило мать. Она находит в себе силы, чтобы найти ответы на многочисленные вопросы. Порой складывается впечатление, будто Марион все еще рядом с ней, ее призрачная тень следует за матерью и помогает приблизиться к разгадке. Марион открывает матери свой тайный мир, в котором было столько боли, страданий, жестокости. Читая эту книгу, посещает мощное, ни на что не похожее чувство: на мгновение кажется, что ты являешься лишь случайным свидетелем разговора двух близких людей. А потом в сердце холодеет от осознания того, что читаешь слова матери к дочери – слова, которые уже никогда не будут услышаны... Произведение поражает своей откровенностью и прямоотой. Это книга – крик о помощи. Книга – вызов.

Здесь оглашаются острые социальные проблемы, в частности, проблема школьного насилия. Об этом тяжелом социальном недуге мало говорят, но разным причинам. Об этом удобнее молчать, и это молчание, к сожалению, приводит к печальным последствиям. Это история о борьбе, о несправедливости. Она учит нас не сдаваться, не опускать руки, бороться до последнего! Нора Фрейс завоевала мое сердце. Я испытываю глубокое, трепетное уважение к этой сильной, решительной, мужественной женщине. Я уверена, что ее произведение поможет многим отчаявшимся людям, оно подарит надежду. Оно никого не оставит равнодушным. Вы долго будете вспоминать о девочке по имени Марион, которой всегда будет тринадцать.

Стейс Крамер,

Автор «50 дней до моего самоубийства»

От редакции

Детские самоубийства принимают характер чудовишной эпидемии по всему миру. И, несмотря на работу многочисленных детских организаций и специалистов, число маленьких жертв растет с каждым годом.

Эта книга изнутри раскрывает проблему детского суицида и обнажает полную неподготовленность, несостоятельность общества к ее решению. Здесь подняты такие остросоциальные темы как ответственность педагогического коллектива не только за успеваемость детей, но и за их эмоциональную, психологическую составляющую, обязанность администрации учебных заведений обеспечить подростков комфортными условиями так же внутри коллектива, привлечение к ответственности несовершеннолетних лиц по факту доведения сверстника до самоубийства.

Марион – талантливая девочка, окруженная заботой своих родителей, любовью брата и сестры. Она успешна в учебе, ее окружают друзья, с которыми она вместе с самого детства. В свои 13 лет она испытала счастье встретить первую любовь... Когда же ее жизнь стала невыносимой? Что могло побудить ребенка решиться на такой отчаянный шаг? Кто виноват, и кто должен нести ответственность?

Автор книги, мать печально известной Марион, страница за страницей вместе со своим читателем проходит недели, месяцы, годы обреченной борьбы с людским эгоизмом и равнодушием за справедливость и светлую память умершей дочери.

Дети и подростки решаются на самоубийство, когда они просто не в состоянии справиться с действительностью, которая их окружает: будь то проблемы в семье, учебе или в компании. Неокрепшая психика не выдерживает давления и, кажется, будто из всего этого есть только один выход. К сожалению, близкие люди, учителя, друзья маленьких жертв слишком поздно осознают, что, будь они чуть внимательнее, чуть нежнее, окажи они своевременную поддержку или банально выслушав – «маленькая» жизнь была бы спасена.

Эту книгу нужно прочесть, чтобы хоть поверхностно понять, прочувствовать подобные трагедии. Чтобы суметь заметить, распознать тревожные сигналы и не остаться равнодушным, приложив все усилия, а обычно их нужно не так уж много, пока чья-то жизнь не достигла точки невозврата.

Марион – уникальная история о том, что происходит в семье после смерти ребенка. Марион – это война с безразличием, человеческим страхом, бездушным бюрократизмом и безнаказанной вседозволенностью. Марион – не что иное, как сигнальная ракета, обращающая внимание социума на вопиющую проблему детского суицида.

Марион, девочка моя, 13 февраля 2013 года в возрасте 13 лет ты покончила с собой, повесившись на шарфе в своей комнате.

В изголовье кровати нашли твой мобильный телефон, символически повешенный на проводе, чтобы лишить слова тех, кто терзал тебя оскорблениями и угрозами в колледже.

Я пишу эту книгу, чтобы почтить твою память, чтобы высказать сожаление о будущем, которое ты не поделишь со мной, с нами.

Я пишу эту книгу, чтобы каждый вынес урок из твоей смерти. Чтобы предостеречь родителей и их дети не стали бы жертвами, как ты, или палачами, как те, кто выбил почву у тебя из-под ног. Чтобы школьная администрация была бдительной, чуткой и благожелательной по отношению к детям, оказавшимся в беде.

Я пишу эту книгу, чтобы проблему школьной травли восприняли всерьез.

Я пишу эту книгу, чтобы ни один ребенок не пожелал больше ни повесить свой телефон, ни прекратить навсегда свою жизнь.

Глава 1

Среда 13 февраля 2013 года

Мы приговорены навечно?

Ты пошла наверх и легла в свою подвесную кровать. Я потрогала твой лоб. Мне показалось, что температура спала. Я бросила: «Ну вот, похоже, тебе стало лучше». Нет, лучше не стало.

Накануне ты рано вернулась из колледжа. Бабушка поехала за тобой к 13.15. Ты чувствовала слабость, похоже, начинался грипп. Ты жаловалась на боль в горле, я посоветовала тебе отдохнуть в тишине в нашей спальне и принять две таблетки жаропонижающего. Вечером у тебя горели щеки – я дала тебе еще одну. Мы поужинали всей семьей, затем ты ускользнула к себе. Ничего удивительного, когда плохо себя чувствуешь.

На следующее утро ты не проснулась вовремя. Я позвонила в колледж и предупредила, что ты заболела. В 11 часов ты спустилась завтракать как ни в чем не бывало. Не слишком разговорчивая, как и обычно по утрам. Я никогда не забуду твой немного мрачный взгляд в тот день и выражение лица, которое тем не менее не отражало того, что в тот момент творилось в твоей душе. Родители слишком простодушны, когда любят своих детей. Им не хватает воображения.

По средам я не работаю. Я занимаюсь с вами тремя. Ты-то со всем справляешься сама, в свои тринадцать лет. Ты так полагала. Я тоже. Но есть еще твоя сестра Кларисса, которой девять, и твой маленький брат Батист, которому всего полтора года. В тот день я должна была отвезти мусор на сортировку, а также заехать к Захии, чтобы передать ей кое-какие вещи, из которых вы уже выросли. Это никогда не лишнее, если имеешь, как она, четверых детей. Я заглянула к тебе предупредить, что уезжаю, но скоро вернусь.

Ты лежала в кровати, в темноте. Я открыла велюксовскую занавеску, со вздохом заметила, что не следует сидеть в темноте. Ты показалась мне уставшей, болезненной. Я принесла тебе телефон и велела звонить мне, если возникнут проблемы. Я закрыла дверь на ключ. Глупо, но мне в голову закрались мысли об ограблении. Матери имеют странную привычку думать о худшем, чтобы освободиться от своих тревог. Они боятся дорожной аварии, болезни, встречи нос к носу с грабителем... Но это не самое худшее. Разве могут они помышлять о худшем из худшего, о внезапно нахлынувшей боли от абсурдности мира, которая и заставила тебя его покинуть?

Худшее из худшего случилось в этот день, в среду 13 февраля 2013 года. Я завезла мусор на сортировку, а затем заехала к Захии, которая живет в десяти минутах от нас. Они с детьми собирались обедать, поэтому подруга добавила две тарелки для твоих брата и сестры. Мы посплетничали, я рассказала ей о недоброжелателях с «Фейсбука», о телефонных атаках. Только за январь на твой номер пришло 3000 смс! Я была ошеломлена.

Вдруг я подумала о тебе, одиноко лежащей в постели, и обо всех этих ужасных сообщениях, которые мы нашли в твоём телефоне девять дней назад, выпытав у тебя пароль, в то время как ты с потрясенным видом сжимала телефон в руках. Я почувствовала, что мне просто необходимо с тобой поговорить, удостовериться, что с тобой все хорошо. Вдруг ты упала с балкона? Или поскользнулась в душе? Твой мобильный не отвечал, домашний тоже.

Меня охватила паника. Еще не было часу, а я уже мчалась в машине вместе с младшими. Меня мучило дурное предчувствие. Я ехала и трезвонила тебе как безумная. Я бросила детей в работающей машине за домом и побежала к двери. Дверь была заперта на ключ, как я ее и оставила – это меня успокоило. Я зашла в дом и позвала тебя. В ответ тишина.

Я бросилась по лестнице через несколько ступенек. Тебя не было в ванной. Дверь твоей комнаты была закрыта, что-то мешало войти. Я подумала, что ты свернулась клубком за дверью, чтобы не дать мне проникнуть на твою территорию. Но я толкнула сильнее и поняла, что вход заблокирован стулом. Эти секунды длились вечность... Толкнуть сильнее, освободить доступ. И тут я увидела тебя.

Я бросилась к тебе, завопив и обливаясь слезами, попыталась поднять тебя, освободить твою шею. Невозможно, это было невозможно. Мне не удалось тебя освободить. Я нашла ножницы в ванной, разрешила шарф, который тебя душил, ты упала. Я била тебя по щекам чтобы привести в чувство, мне показалось, что ты в сознании. Искусственное дыхание. Быстро набрала 18. Спасатели сказали, что направились в Масси. «Нет, это Вогриньез!» – Я кричала, плакала, задыхалась. Я сделала тебе массаж сердца, как мне велели по телефону. Тебя вырвало. Нужно было ненадолго положить тебя на бок, а потом начать заново. Массировать, еще, еще, очнись, Марион, очнись, прошу тебя.

Твой брат с сестрой одни в работающей машине. Спасатели не могут найти дорогу. Массировать, массировать, массировать. Скорее предупредить твоего отца, который на работе. Сказать ему, что случилось нечто страшное, нужно, чтобы он срочно приехал.

Внезапно появился спасатель. Он приказал мне выйти из комнаты и забрать Ваниль, нашу собаку. Я позвонила родным и близким. Моя лучшая подруга Захия примчалась встревоженная. Она забрала к себе Батиста, а моя подруга Мириам увела Клариссу. «Марион плохо себя чувствует», – объяснила она твоей младшей сестре. Полиция и мэр уже были здесь.

Я бранила себя просто до изнеможения. Я ни в коем случае не должна была оставлять тебя одну. Не должна была ехать к Захии. Не должна была позволять ей накрывать на стол для Батиста и Клариссы. Ни в коем случае не должна была болтать с ней. Я должна была взять тебя на руки и баюкать до тех пор, пока мрачные мысли не покинули бы тебя.

Вина меня пожирала. Почему я уехала? Почему я оставила тебя одну? Почему ничего не замечала? Почему ты ничего мне не сказала? Почему ты, почему я, почему мы?

Приехал твой отец. В 14.30 нам сообщили, что ты нас покинула. «Есть ли письмо?» «Нет», – ответили полицейские. Мы были настолько ошеломлены, оглушены, словно внезапно оборвалась нить, связывавшая нас с реальностью. Словно мы попали в ночной кошмар или в страшный фильм. Друзья приехали, чтобы побыть с нами, покормить, постирать белье, как-то помочь нам держаться на плаву, несмотря на состояние того ступора, что образовывал плотную пелену между нашей жизнью «до» и той, что началась с этого дня. Жизнь на медленном огне. Жизнь, наполненная болью. Жизнь без тебя. Жизнь вчетвером. Жизнь, которую нужно строить заново. Жизнь, которую мы постараемся сделать достойной и прекрасной для Клариссы и для Батиста. Да, конечно. Но жизнь без тебя, Марион. Жизнь без тебя. Мы приговорены навечно.

Глава 2

Головокружение от вопросов

Ты – плоть от плоти моей, а я ничего не смогла сделать

Тайна твоей смерти заставила нас оторопеть. Ты ведь никогда не жаловалась на то, что несчастна, сломлена, доведена до предела. Ты никогда не выражала этого безумного желания покончить с собой. Действительно ли ты этого хотела?

В тот день мы решили, что ты возможно хотела лишь приостановить свою жизнь, на мгновение, на несколько часов. Ты сказала «стоп» в надежде на то, что я приду и спасу тебя. Ты затянула петлю на шарфе, но надеялась, что он порвется. Это несчастный случай. Момент помутнения. Ошибка. На самом деле, ты не хотела уходить так, не попрощавшись, не имея возможности вернуться.

У тебя все было хорошо, помнишь, Марион, у тебя все было хорошо. Ты была такой милой, такой мягкой, такой хорошей ученицей, такой легкой в обучении. Всего лишь десять дней назад мы с твоим отцом говорили о том, какое счастье иметь такую дочь.

Было 13 февраля, канун дня святого Валентина. Очевидность разрывала нас изнутри: ты умерла из-за сердечных мук, так, Марион? Ромен бросил тебя, и ты решила, что лучше умереть... Ведь в тринадцать лет можно видеть вечность в глазах мальчика.

Но только не ты, Марион, не ты. Ты не была настолько глупа. Сомнений нет, Ромен поступил плохо. Должно быть, он наговорил тебе кучу гадостей. Но ты бы не захотела покончить с собой. Веди он себя нежно, ты бы просто перевернула страницу. Конечно, ты любила его чрезмерно, это правда. Мы ненавидели его в тот день.

В понедельник, 11 февраля, ты говорила мне о нем. Ты хотела, чтобы перед друзьями он был поласковее с тобой. Я попыталась тебя убедить: «Он любит тебя, Марион, моя Марион. Просто мальчишки ведут себя как кроманьонцы, когда они в компании». Совсем как в той песенке Зази, которую мы напевали: «Я человек». Мы посмеялись вместе. «Не волнуйся, все наладится. Скажи ему, что ты чувствуешь. Но смотри, ты ведь тоже иногда забываешь о нем, когда вы шутите с подружками. Вот и он строит из себя бог знает что перед своими подружками. Но когда вы остаетесь вдвоем, вы другие». Я настаивала: «Это так, так было всегда и всегда будет». Вот что я думала 11 февраля.

Ты в слезах упала в мои объятия, уже слишком тяжелая для меня: «Спасибо, мама, мне лучше». Ты добавила: «Когда поплачешь – всегда лучше». Я даже не подозревала в тот вечер, насколько сильно ты страдала.

Этот разговор внезапно вспомнился мне вскоре после твоей смерти и поразил до глубины души. Накануне 14 февраля, дня всех влюбленных, ты, маленькая обезумевшая девочка, отказалась от жизни, поскольку перестала быть принцессой в глазах ученика четвертого класса. Какая чудовищная нелепость!

Мы снова спросили у полицейских, не оставила ли ты письма. Они пообещали, что если что-то найдется, то мы узнаем об этом первыми. Они забрали с собой информационный материал – твой мобильный телефон. И предложили нам психогическую помощь. Помощь в чем?

Мы должны были во всем разобраться, срочно. Найти слова, которые открыли бы нам правду, сказали бы о той боли, которую ты испытала в тринадцать лет, моя бедная девочка. Вечером мы рылись в твоей аккуратно прибранной комнате как воры – безудержные, сгорающие от нетерпения, жадные до знаков.

В твоей старой сумке мы нашли ключ – предположительно от твоего шкафчика в колледже. Выходит, ты не пользовалась им с декабря, с тех пор как мы подарили тебе новую сумку.

Новая сумка была собрана с присущей тебе тщательностью. Пенал, тетрадки – все на своем месте. Мы решили проверить твой дневник. Их было два.

Мы с отцом непонимающе смотрели друг на друга. Как у тебя могло оказаться два дневника? Мы лихорадочно раскрыли один из них. Тот самый, о котором мы знали – тот, который ты давала нам на подпись после того, как потеряла первый. Образцовый дневник примерной ученицы, без проблем.

Затем мы схватили второй дневник, он словно обжег нас. Тот самый дневник, который ты потеряла в январе. Выходит, ты нам лгала.

Задержав дыхание, мы пробежались по замечаниям учителей, которые ты хотела от нас скрыть. С декабря они писали об изменениях в твоём поведении, ужасной болтовне, многочисленных неоправданных опозданиях. В качестве подписи ты подделывала роспись твоего отца. Обычно дневник подписывала я.

Я помню тот день, когда ты сказала мне, что потеряла дневник. В ноябре или в декабре 2012-го. Мы искали везде. Я все время повторяла: «Мы найдем его, это невозможно». Ты беспокоилась: «Если у меня не будет дневника, я получу выговор». – «Сколько стоит дневник?» – «Около двух евро». – «Ты его потеряла и заплатишь эти два евро из своих денег». Мне нужно было подписать бумагу, подтверждающую, что ты его потеряла. «Спасибо, что купила мне другой». Я ничего не заподозрила. Я тоже теряла вещи.

Этот дневник, новый, фальшивый, я подписывала за два дня до твоей смерти, 11 февраля. Там было замечание от главного преподавателя, обращенное ко всем родителям: «Дети болтаются по коридорам во время уроков». Да, именно так, «уроков». Я спросила тебя, болтаешься ли ты тоже по коридорам. Ты вздохнула: «Нет, нет, я не болтаюсь».

Ты ввернула словечко и в тот дневник, который прятала от нас и который мы сейчас листали со сжавшимся сердцем. В нем своим детским почерком ты записала: «Марион будет как следует наказана».

Преподаватели продолжали записывать в него свои строгие замечания. Это началось 17 января 2013-го, за месяц до твоих похорон: «Телефон Марион звонил на уроке». Запись от 22 января: «За этот месяц Марион три раза опаздывала без уважительных причин, до пятницы 25 января она должна сдать сочинение об уважении устава в BVS (*bureau de la vie scolaire*)». 1 февраля, за двенадцать дней до твоей смерти: «Поведение Марион ухудшилось за последнее время: постоянно болтает, иногда даже нецензурно выражается во время уроков. Будем благодарны, если напомните ей о правилах поведения в школе».

Опоздания, болтовня, неделанные домашние задания... Как ты могла за несколько недель получить столько строгих замечаний, а мы ничего об этом даже не знали? Нас могли бы предупредить по телефону, по смс, по электронной почте... нас просто должны были потревожить! А ты, наша маленькая примерная девочка, к чему вся эта комедия, это скрытничанье? Ты держала нас за идиотов, за старых дураков, врагов, неспособных тебя понять? Ты боялась, что мы рассердимся, будем ругаться, накажем тебя, разлюбим? Чего ты боялась, когда прикрывалась дневником с фальшивыми отметками?

Меня охватило что-то вроде ярости. Я рассердилась на тебя за это. Как ты могла поступить с нами так? Врать и предпочесть умереть вместо того, чтобы сказать правду? Это так, Марион, ты ушла, чтобы только не открывать нам ту реальность, в которой ты пребывала? Ты в самом деле думала, что мы все – взрослые, дети, подростки – всегда идеальны? Считала ли ты, что мы неспособны прощать? Мы не настолько строги, ты прекрасно знала, что я все тебе прощаю, ты ведь всегда подробно рассказывала мне о своей жизни. Итак, почему?

Эти вопросы вертелись в моей голове проклятым круговоротом, в то время как мы с твоим отцом, обессиленные, опустив руки, были вынуждены признать, что ты вела двойную жизнь. Или, точнее, жила в четвертом измерении, в которое нас не пускала.

Тем не менее твой год в четвертом классе начался хорошо. Ты была в «4 С», с углубленным изучением испанского. Твои оценки за первый триместр были отличными. Когда в декабре мне сообщили, что по испанскому у тебя двадцать из двадцати, несмотря на то что ты совсем недавно начала его учить, я разрыдалась от радости. Когда я выходила с родительского собрания, ты спросила меня по телефону: «Ну что, мама, ты гордишься мной?» Да, я горжусь тобой.

Твой классный руководитель пел тебе дифирамбы, ведь ты была лучшей ученицей, прилежной, старательной на уроках: «Она супер, одна из лучших, мы рассчитываем на нее, если бы только было больше таких, как она...» Твои приятели частенько дразнили тебя «ботанкой». А потом ты влюбилась. Что произошло за эти два месяца? Да, верно, иногда ты выглядела грустной. Как подросток, который сомневается в своих чувствах и в чувствах другого, – ничего серьезного.

И мы провели эту первую ночь без тебя с нестерпимой болью внутри, терзаемые вопросом: почему ты не искала укрытия у нас, если настолько страдала?

В своей голове, затуманенной горем, я перебирала причины. Ты чувствовала себя слишком виноватой? Ты боялась нас разочаровать? Или мы были настолько плохими и недостойными родителями, неспособными тебя услышать? В любом случае я приходила в итоге именно к этому заключению. Неужели мы были родителями, слишком амбициозными по отношению к своим отпрыскам, чудовищными родителями, которых личность ребенка интересует меньше, чем тот образ, который он должен был воплощать?

Вечером после твоей смерти нам позвонили полицейские, чтобы узнать пинкод твоего телефона, они хотели с ним поработать. Конечно, уточнили они, нас проинформируют в первую очередь, в случае если удастся найти объяснение твоему поступку.

Днем, часа в три, мы отправились к Мариам, сообщить ужасную новость твоей сестре. Мы прошли через весь дом в игровую комнату. Я не смогла говорить. Твой папа очень мягко обратился к Клариссе: «Мы должны сказать тебе кое-что... Марион не болеет. Она умерла». Твоя сестра завопила, вытаращив глаза. Этот взгляд сохранялся у нее на протяжении еще нескольких месяцев.

Твой отец взял ее на руки, они плакали вдвоем. Затем отец выдохнул: «Но ты, ты с нами, наша маленькая девочка». В одно мгновение она из средней дочери превратилась в старшую. Она пожелала остаться у Мариам поиграть еще немного. Мы вернулись за ней чуть позже, а еще забрали Батиста у Захии. Мы держались... Все вчетвером, прижавшись друг к другу.

В понедельник утром Кларисса собралась в школу, как обычно. Но незадолго до нашего выхода из дома Мариам зашла предупредить: «Не стоит отправлять ее сегодня». Она держала в руках сегодняшней «Паризьен». На первой полосе писали о Марион. Да, о тебе, наша девочка. Там говорилось, что ты стала жертвой школьной травли, как и еще один ребенок, умерший накануне. «Двое подростков тринадцати лет перешли к действиям», – гласил заголовок. Надпись под этим громадным заголовком, на всю первую полосу: «Из-за школьной травли они покончили с собой». Автор статьи ссылаясь на твое письмо, в котором ты подробно рассказывала о тех насмешках и придириках, которые тебе приходилось терпеть.

Мы буквально окаменели от шока. Кто был против тебя? Кто тебя убил? Где нашли это письмо? Как оно оказалось в руках журналиста «Паризьен»?

Но внезапно твой поступок обрел смысл. Ко мне вернулась возможность видеть, исчезнувшая во время моих попыток вернуть тебя к жизни. Ты повесила свой телефон, и из него доносилась музыка – одна и та же назойливая песня. Я не слышала ее до тех пор, пока спасатели не оттащили меня от тебя. Только тогда я его увидела этот чертов телефон. Он висел там, привязанный за провод, с регги, играющим по кругу. Ты умерла под музыку, но сначала ты навсегда заставила свой телефон замолчать. Этот телефон, с помощью которого все и происходило: все оскорбления, преследования, нападки. Оружие преступления. Ты символически убила его тоже.

Да, наконец твой поступок обрел смысл. И нас охватила злость чудовищной удушающей волной. Тебе сделали настолько больно, что ты повесила телефон и предпочла уйти сама – это невыносимо! И взрослые из колледжа Жана Моне в Брии-Су-Форж, которые были за тебя в ответе, не сделали ничего, чтобы этого не случилось!

Тем не менее я говорила им о твоих жалобах на то, что тебе трудно работать в этом недисциплинированном классе. Три раза я просила о встрече с директором. Ни разу он меня не принял. Я звонила ему неоднократно, чтобы объяснить: мы хотим сменить класс. Он отвечал на мои просьбы либо молчанием, либо отказом.

Итак, в тот день, после чтения ужасной статьи из «Паризьена», утверждающей, что ты стала жертвой школьной травли, я возненавидела директора, бесчувственного к твоим страданиям. Я возненавидела всех в этом колледже, кто мог помочь тебе, выслушать, понять твою тревогу, услышать наше беспокойство... Всех тех, кто предпочел страусиную политику.

Вне себя от злости, я набрала номер колледжа и сухо попросила директора: «Я мама Марион, приготовьте все ее вещи, мы хотим их забрать. Я хочу взять все: каждую бумажку, каждую мелочь, принадлежащую нашей дочери. Я хочу, чтобы ничего от Марион не осталось в вашем колледже, я не хочу больше иметь никаких контактов с вами».

Шокированная твоей смертью, я хотела избежать встреч с директором, поскольку предполагала, что он рассыплется в извинениях или соболезнованиях. Я бы этого не вынесла. Но на самом деле он тоже не хотел иметь со мной никаких контактов, я осознала это очень быстро. Но не поняла. И не понимаю до сих пор.

Глава 3

Твое письмо учителям

«Даже если мое сердце больше не бьется»

Когда утром 14 числа отец приехал в колледж за твоими вещами и личным делом, папка уже была готова и лежала в канцелярии. Журналисты толпились в ожидании. Отец мельком увидел директора, который спросил, известны ли ему какие-то детали, читал ли он письмо, знает ли он чьи-то имена. Иначе говоря, он хотел знать все, что знаем мы, забыв о банальных словах поддержки, в которых мы тогда так нуждались. Немного поодаль какая-то дама говорила перед телевизионными камерами – твой отец не обратил на нее внимания.

Утром, прочитав «Паризьен», мы позвонили в полицию, чтобы узнать подробности этой истории с письмом. Ты оставила письмо, а нас об этом даже не предупредили? Что еще более возмутительно – мы узнали об этом только из прессы. По телефону полицейские смущенно сообщили, что, к сожалению, произошла утечка информации. После полудня, часов в пять, в дверь позвонил полковник полиции. Он извинялся за то, что мы узнали о существовании твоего письма из газеты, и заверял нас, что начал внутреннее расследование, чтобы узнать, через кого просочилась информация. Он принес нам конверт, где в графе адресата был указан адрес твоей школы, а вместо подписи – твой идентификационный номер (320).

В конверт ты вложила два письма. Вот текст первого, неумолимо искреннего и грустного. Я намеренно не исправляю орфографические ошибки.

«Для «4 С» и всех остальных. Если вы получили это письмо, значит, меня уже нет в живых. Я хотела бы попросить у вас прощения за то, что заставила вас страдать или что-либо еще... Я знаю, что не должна была говорить того, что сказала, но что сделано, то сделано. Вы все замечательные, но в этой истории зашли слишком далеко. «Хитрожопая», «изгой», «лузер», «грязная шлюха», «кретинка»... Да, я не могла рассказать обо всем, что было у меня на сердце, но теперь я это сделаю, даже если мое сердце больше не бьется... Моя жизнь ускАльзнула, а никто этого не понял. Ваш лучший друг, который вас оскорбляет, игнорирует, питает к вам неприязнь... Хлоя, мне очень жаль, я никогда не использовала тебя как затычку в каждой бочке, ты была для меня как сестра. Я люблю тебя, Хлоя, даже если сегодня это уже взаимно».

Здесь ты нарисовала два маленьких сердечка, еще одно – перечеркнутое – и грустную рожицу. Продолжение письма:

«Дамьен, ты замечательный мальчик, но ты не поддержал меня, не помог, когда это было нужно. Знаешь ли, ты только усложнял положение вещей. Юлия, я относилась к тебе как к подруге, но ты сделала все, чтобы Хлоя оставила меня. Ты вела себя гнусно, и в том, что я умерла, есть часть твоей вины. Майлис, ты милая и все такое, но умоляю тебя – прекрати кричать прямо во время уроков «Да она же шлюха!».

P.S. Я хотела бы поблагодарить замечательных людей, которые любили меня такой, какая я есть: Дилана, Лолу, Поля, Максима, Инесс, Морган, Яниса, Бенни, Матильду, Леа... А также человека, которого я люблю больше всех на земле (он же – Киви и Toutoune [еще два сердечка], он узнает себя. ПРОЩАЙТЕ... Марион, которой нет больше в этом мире, но которая вас на забудет (извините за слезы на листочке)...)»

Внизу листочка ты нарисовала лицо девочки, похожей на тебя. Да, конечно, это твое лицо – с печальным ртом, челкой, прямыми волосами и двумя большими круглыми глазами, полными надежды и замешательства. Или ужаса.

Тошнота подкатила мне к горлу, когда я прочла: «Я не могла рассказать обо всем, что было у меня на сердце, но теперь я это сделаю, хотя мое сердце больше не бьется». Моя Марион, слезы душили меня.

В том же конверте, адресованном колледжу, лежало второе письмо, столь же ужасное. Под заголовком «мои наилучшие пожелания вам» больше ничего не было. Чистый белый лист.

И я снова злилась на тебя. Меня приводила в бешенство несправедливость, что ты покончила с собой из-за этих придурков, которые дразнили тебя «шлюхой», «изгоем» или «лузером», из-за мальчика, который тебя не любит. Но это же ничтожно, Марион! И больше того – ты просила у них прощения! Прощения за что, бедная моя девочка? Прощения у кого? Ты просила прощения, ты – самая вежливая девочка на свете!

«Извините за слезы на листочке», – добавила ты. Даже теперь, спустя месяцы, я вздрагиваю, когда вспоминаю эту фразу.

Мы перечитали твоё письмо два раза, три раза, добавив это к истории с дневниками и к тем крупным информационным блокам, которые я нашла в интернете или слышала краем уха то тут, то там. Нужно было готовиться к похоронам. Нас начали преследовать журналисты.

Я была слишком потрясена, охвачена чувствами и просто слишком занята, чтобы понять, что произошло. Однако очень быстро я заметила: твоё дело – это пазл. И я сказала себе: мне надо его собрать.

Вся эта история начала разворачиваться в декабре. Я вспомнила о тех трех тысячах сообщений, о которых мы узнали, получив январский счет за твой телефон. Три тысячи сообщений! Конечно, мы тоже созванивались с тобой днем, но это просто мелочь. Три тысячи сообщений – столько, чтобы ответить на все эти оскорбления, критику, клевету? Я вспомнила, что действительно мне с трудом удавалось дозвониться до тебя в последнее время. Я вспомнила также тот вечер 4 февраля, когда я как обычно вернулась домой в 8.45, забрав Клариссу из школы, а Батиста от няни. Но ты не спустилась вниз, когда я пришла. Я позвала тебя несколько раз, прежде чем ты появилась. Ты сжимала в руках телефон с безумным видом.

Я попросила отдать его мне и сказать пароль. В сообщениях я обнаружила кучу странных вещей: спам, порно, реклама медикаментов... Порно? Также было одно чудовищное сообщение: «Пришли мне свою фотку, чтобы я мог подрочить». Ты сказала мне, что смс написал твой парень Роман. Позже я узнала, что это был другой ученик. «Не беспокойся, мама, это просто сообщение!» Я была вне себя от ярости: «Как это так, просто сообщение! Ты хоть понимаешь, что значат эти слова? Это же отвратительно!» Мать тринадцатилетней девочки не может относиться к таким вещам спокойно, не ругаясь, ты понимаешь?

Вечером я еще раз выхватила у тебя телефон, но там не было ничего, кроме милых сообщений от Романа: «Я тебя люблю, я по тебе скучаю...» И ты не оставалась в долгу: «Я люблю тебя, дорогой, через восемь часов мы увидимся». Это меня успокоило.

Пока все эти воспоминания и вопросы вертелись в голове, нам позвонили, чтобы предупредить об интервью, которое заместитель директора дала для телевидения. Мы посмотрели его по Интернету. Твой отец ее узнал. Он воскликнул: «О, это та самая дама, что разговаривала с журналистами, когда я забирал личное дело Марион!» Перед камерами она объясняла, что для учеников класса ты была козлом отпущения: «Да, некоторые ученики были по отношению к ней не слишком любезны, они могли сказать какие-то обидные вещи. Это все, что я могу сказать на настоящий момент. Думаю, со временем мы будем располагать большим количеством информации».

Она ни на секунду не задумалась о том, чтобы поприветствовать твоего отца в колледже, выразить ему соболезнования, предупредить о том, что будет говорить о тебе по телевизору, попросить нашего разрешения. Даже твоё имя она назвала без нашего на то согласия.

На следующее утро, 15 февраля, нас с твоим отцом вызвали в полицию. «Вы уверены, что не было насилия?» Меня бросало в дрожь от мысли, что ты могла быть убита, что ты стала жертвой физического насилия. Хотя ты была уже мертва. Не могло быть ничего страшнее.

Полицейские принимали нас по отдельности и задавали вопросы. Кто мы такие? Как ты себя чувствовала? Какими были отношения между нами? Элементарные вопросы, чтобы удостовериться в личности. Я была настолько шокирована, что уже не помню половины. Затем нас спросили, по очереди – мы потом поняли, для чего, – была ли у тебя своя страница на «Фейсбуке». «Нет, я ничего об этом не знаю», – ответила я.

Полицейские хотели знать, подали ли мы жалобу. Мы подтвердили, что подали жалобы на учеников, названных в твоём письме, на колледж и на всех, кто, судя по результатам опроса, мог быть ответственным за смерть Марион.

Вернувшись домой, мы с твоим отцом обсудили все это. Нам задали вопрос: была ли у тебя страница на «Фейсбуке»? Когда ты была в пятом классе, то просила у меня разрешения завести ее. Я сказала: «Нет, не в двенадцать лет». Примерно за полтора месяца до смерти ты вернулась к этой теме. «У меня нет страницы на «Фейсбуке». У всех есть страницы на «Фейсбуке»! И все слоняются по улицам, а я нет!» Это меня озадачило: «Для чего ты хочешь слоняться по улицам?» Было уже семь часов, и я должна была купать малышкой. Я вздохнула: «Хорошо, послушай. Скоро год закончится. А потом, в третьем классе, мы установим новые правила. Тебе будет четырнадцать, и ты заведешь свою страницу».

В твоей комнате у тебя не было доступа к компьютеру. Но разве могли мы быть уверены, что ты не завела себе аккаунт? Мы уже поняли, что ничего не знали о тебе. Мы были настолько растеряны.

Я зашла на «Фейсбук». Набрала твое имя – Марион Фрез. Но не нашла ничего похожего. Только омонимы.

В твоей сумке я нашла школьный ежедневник, куда ты записывала даты контрольных и тому подобное. На первой странице были твое имя, фамилия, номер телефона и адрес электронной почты. Я включила компьютер и стала подбирать пароль наугад. Одно из слов подошло. Когда я открыла твой ящик, я увидела сообщение: «Вы получили новые уведомления на «Фейсбук».

Я перешла по ссылке на твою страницу. Ты скрывалась под псевдонимом: *Mayonfraisie*. Ты завела аккаунт 7 декабря – за месяц до того, как попросила у меня разрешения. Должно быть, ты ощущала себя виноватой и хотела получить наше согласие, чтобы успокоиться.

Я заметила, что ты заблокировала мне доступ на свою страницу. Ты также заблокировала своего дядю, моего младшего брата. В то время из всей семьи только мы с ним пользовались «Фейсбуком».

Ты заблокировала доступ на страницу, куда тебе приходили как безобидные сообщения, так и всякие ужасы. Например: «*Tu vas en recevoir plein la gueule!*» (Ты получишь по морде!) Кто мог такое написать?

Я видела лишь обрывки фраз. То, что можно было видеть в уведомлениях по твоей истории сообщений. Но сами сообщения были стерты. Это потрясло меня. Если им понадобилось стирать все письма на следующий день после твоей смерти, значит, им было в чем себя винить, не так ли?

Я начала рассуждать. Это было несложно – понять смысл обрезанных фраз. Они удалили сами сообщения – «данная страница не найдена», – поскольку хорошо понимали, что там они вовсе не осыпали тебя комплиментами. Они слишком хорошо это понимали. И мне было больно даже представить, что именно ты чувствовала всякий раз, когда твой телефон вибрировал. И больно от мысли, что я не могла тогда тебе помочь. И больно оттого, что у меня не было никаких точных доказательств – только эти идиотские уведомления.

И тогда я принялась за работу детектива, которая заняла у меня недели и месяцы. Месяцы, чтобы снова прийти к выводу, что я ничего не знала о твоей жизни и о тех, кто толкнул тебя на суицид.

Но сначала я позвонила в полицию и сообщила им эту новость. Все оказалось не так, как мы предполагали: у тебя была страница на «Фейсбуке». 7 декабря – приблизительно в то же самое время ты «потеряла» свой дневник. И приблизительно в то же самое время ты влюбилась в Романа.

Он прислал мне сообщение 15 февраля, твой парень. Что он сделал для того, чтобы тебя защитить? Ты не упомянула его имени среди мучителей, но не был ли он соучастником? Я сердилась на него, я сердилась на всех, потому что тогда еще не могла разложить все по полочкам в своей голове, понять, кто виноват.

У меня осталось смс от него, полученное в 20.48: «Добрый вечер, извиняюсь за беспокойство. Я просто хотел выразить вам мои искренние соболезнования. Роман». Я огрызнулась в ответном сообщении: «Откуда у тебя мой номер?» – «Я узнал его у одного из жителей города, пожелавшего остаться неизвестным». – «Мне нужно имя, иначе я обращусь в полицию. Это незаконно, не у всех есть мой номер. Буду благодарна тебе за быстрый ответ». – «Это Матильда. Я просто хотел быть вежливым. Сожалею, мадам».

«Ты можешь. Ведь Марион мертва», – ответила я раздраженно. Тогда я и впрямь была уверена, что он причастен. И эта Матильда, которую ты знаешь с самого детского сада... Была ли она частью группы, которую ты указала в своем письме? Бедный Роман, в тот вечер я поступила несправедливо по отношению к нему.

Глава 4

Безмолвие колледжа

«Мадам, жизнь продолжается»

Нужно было готовиться к похоронам, но я с трудом могла об этом говорить. Журналисты ломались в двери, желая знать, что же произошло. Мэр города приказал всем хранить молчание, но слухи все равно ходили. Она из соседок хвасталась тем, что располагает особой информацией. «Нет, – утверждала она, – здесь дело вовсе не в травле. То, что произошло, не имеет никакого отношения к колледжу!»

Говорили, что у ее мужа по работе есть доступ к твоему делу. Я зашла с ней поговорить: «Послушайте, если у вас есть важная информация, сообщите о ней в полицию. Если вы ничего не знаете – замолчите!» Позже я узнала, что некоторые шептались за моей спиной: «Нора не в себе». Думаю, как раз из-за этого случая. Да, Марион, я и впрямь была не в себе. Из-за журналистов мы должны были устраивать твои похороны тайно. Я ходила в траурный зал по вечерам, чтобы не привлекать внимания. Там все время играла тихая нежная музыка. Ты была так прекрасна. Меня попросили выбрать одежду. Я надела на тебя твои любимые серьги и браслет с надписью «Мир и любовь» (Peace and Love). Ты говорила: «Со мной всегда мир и любовь!»

В один из дней, когда я была там, кто-то предупредил меня, что возле дома нас сторожат журналисты. Нужно было выбрать день и час похорон, это просто ужасно! Нужно было уладить столько вещей: выбрать гроб, решить что-то с цветами... К счастью, твой отец был рядом, потому что мне было плевать на цветы. В моей голове вертелось лишь два вопроса: «Марион, почему ты это сделала? Почему ты ничего нам не сказала?» Я разговаривала с тобой, словно безумная. Я повторяла без остановки: «Марион, у тебя ведь было все, у тебя было все, почему ты это сделала?»

Я искала улики, копалась в делах, прошерстила всю Сеть, заходила к твоим друзьям, чтобы посмотреть, не написали ли они ничего на странице, посвященной тебе. Мы с твоим отцом обнаружили форум, созданный для тебя: «RIP Марион Фрез». Покойся с миром. Там было полно сообщений. Некоторые говорили: «Да, теперь люди приходят поплакать, но все ведь относились к ней как к шлюхе». Мы видели обе стороны медали. Одна из твоих одноклассниц написала: «У меня нет слов, чтобы выразить, как по-идиотски мы вели себя с тобой». Все сообщения были подписаны, поскольку их отправили с профилей «Фейсбука». Учеников, которых ты указала в своем письме, там не было.

По сути дела, все все знали. Форум был уничтожен, но я сделала копии экрана и принесла их в полицию 17 февраля.

До 21 февраля, дня похорон, приходили только друзья и члены семьи. Никто больше. Никто не обращался ко мне с какой-либо информацией. Ни один из родителей учеников, ни один преподаватель, ни один работник администрации не позвонил мне, чтобы узнать дату или час церемонии.

Она проходила в церкви Вогренъеза. Мы зашли в храм под музыку Верди. Затем мы услышали Селин Дион: «У меня есть лишь ты в целом мире, чтобы говорить со мной о любви, лишь ты мне отвечаешь, когда я зову на помощь... У меня есть лишь ты в целом мире, и, если бы я тебя потеряла, думаю, я бы умерла, ты же знаешь». (**Que toi au monde.*)

Во время церемонии показывали твои фото. Твое маленькое личико – умное, улыбающееся, открытое – дрожало и расплывалось от слез в моих глазах. Я прочитала текст, который написала для тебя: «Ты – плоть от моей плоти». Вот отрывок из него: «Моя дорогая девочка,

поскольку ты – наша старшая, возьми нас за руку, чтобы у нас были силы идти дальше. Дай нам смелости, чтобы дождаться того светлого радостного момента, когда мы снова встретимся с тобой, опередившей нас». Я закончила словами надежды: «Моя дорогая, нам так не хватает твоего физического присутствия, твоей улыбки. Но мы верим, что наша любовь к тебе бессмертна».

Затем мы послушали песню Таль: «Ведь мы имеем право мечтать. Когда это захватывает меня, я не могу остановиться. Я представляю тебя так живо, что сама начинаю верить, что это правда». (Из альбома *Le droit de rêver*.) Твоя сестра Кларисса прочла два трудных текста из Евангелия. Она закончила фразой: «Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним... Потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем. Итак, утешайте друг друга сими словами».

Моя лучшая подруга Коко зачитала отрывок из «Маленького принца» Экзюпери. Мой брат Салем произнес замечательную фразу: «Ты ушла, с крыльями из ветра за спиной, чтобы совершить свое последнее путешествие в то место, куда лишь душа знает дорогу».

Мы шли за твоим гробом. Адель, которую ты очень любила, пела снова и снова: «Иногда любовь длится, но иногда ее сменяет боль». Песня называлась «Никто, кроме тебя (*Someone like you*)». Для меня это значило: «Нет никого, кроме тебя». Мы направились к кладбищу. Каждый нес по белому цветку.

Твои бабушки и дедушки, все наши друзья, наши близкие пришли тебя проводить. Но не было ни одного твоего одноклассника, ни одного преподавателя, ни одного сотрудника колледжа. Они не пришли либо потому, что не хотели, либо потому, что их отговорили...

От них не было ни звонка, ни строчки. На следующий же день после твоей смерти у них появилось ощущение, что они докучают нам? Но ведь можно было проявить хоть немного человечности, благожелательности, не так ли.

А в чем причина молчания преподавателей? До сегодняшнего дня я задаюсь вопросом: нет ли в этом никакой связи с их служебным положением?

В четверг, 14 февраля, когда стала известно о твоей смерти, в колледже открылся психологический кабинет. Некоторые дети рассказывали, что в ответ на их пожелание поговорить с семьей директор возразил: «Не контактируйте с ними, они не готовы к этому». Одна из родителей хотела послать цветы и передать соболезнования через колледж, но ее сын лишь пожал плечами: «Это бесполезно. Директор выбрасывает все цветы».

Конечно же, в то утро я сухо вела себя с ним. Я хотела стереть мысли, я хотела вычеркнуть из моей жизни то, что произошло. Конечно же, мы подали жалобу в пятницу. За это время никто не обращался к нам. Сам директор объяснил это тем, что не хотел обращаться «к семье» по нашей же просьбе. Но несколько месяцев спустя я узнала, что он разослал электронные письма всему педагогическому составу, сообщая им о том, что произошло, а также призывая «не вступать ни в какие контакты с семьей погибшей». Он сделал это до того, как позвонил мне, до какой-либо общественной реакции. Вот почему я не чувствовала никакой поддержки от колледжа. Сострадание не входило в программу.

19 февраля, за два дня до твоих похорон, я написала письмо президенту республики, а также министру образования, которым на тот момент был Винсент Пейлон. В этом письме я упомянула об интервью, в котором заместитель директора не только назвала без нашего согласия твое имя, но и уточнила, что ты была робкой, необщительной, сдержанной хорошей ученицей. Как она посмела говорить такое о тринадцатилетней девочке, которую совсем не знала? Как она посмела давать комментарии, не спросив у нас разрешения и не предупредив нас о том, что именно собирается говорить? Кроме того, я чувствовала, что школьная администрация не желает контактировать со мной. Вот почему я обратилась к президенту республики и

к министру образования. Сомнений нет: в деле были виновные, ты указала их имена в своем прощальном письме, но взрослые не хотели обращать на это внимания.

«Когда ваши уполномоченные, месье Пейлон, наблюдали за тем, как Марион подвергалась издевательствам и оскорблениям прямо во время уроков, и при этом никак не вмешивались, а также не оповещали об этом нас, они не выполняли своих обязанностей и более того – сами становились соучастниками. Пустив ситуацию на самотек, они позволяли мучителям действовать безнаказанно, что в итоге привело к суициду. Понимаете, месье, речь идет о серьезных нарушениях, которые допустили Ваши подчиненные, не обеспечив безопасность нашей дочери – замечательной, умной, улыбочивой, полной жизни. К нам обращались семьи, дети которых также подвергались травле одноклассниками».

В этом письме я сообщила властям о своих неоднократных обращениях к директору и его заместителю с просьбой о твоем переводе в другой класс. Они уверили меня в том, что примут «необходимые меры, чтобы урегулировать проблемы», уточнив, что не могут перевести тебя в другой класс из-за переполненности. «Вот грустная реальность, – добавила я. – Марион мертва, а ее палачи продолжают свою жизнь в колледже, будто ничего не произошло».

Я также уточнила, что в декабре 2013-го, узнавая твои оценки за триместр, я попросила классного руководителя «сообщать мне по смс обо всех изменениях в поведении Марион, которая страдает от проблем в классе». Я также рассказала о втором дневнике, найденном в твоей комнате.

«Оказалось, что Марион часто опаздывала, могла явиться на урок через двадцать пять минут после начала, хотя находилась в колледже. Но нам никто не сообщал об этом. Что происходило в течение всего того времени? Что происходит в этом колледже, где никого не смутило столь резкое изменение в поведении лучшей ученицы?»

Несколько абзацев я посвятила тем вопросам, которые мы неустанно задавали самим себе.

«Когда взрослые, которым вы доверяете, позволяют, чтобы вас оскорбляли, и не вмешиваются, когда ваши собственные друзья травят вас и угрожают вам смертью – в колледже или после уроков, в сообщениях на «Фейсбуке», – что остается делать? В своем письме Марион написала, что ее жизнь оборвалась, но никто этого не заметил».

К счастью, ты написала прощальное письмо. Если бы не те слова, что ты оставила на бумаге, мы бы думали, что ты покончила с собой из-за детской влюбленности. Мы бы никогда ничего не поняли, но ты пояснила свой жест. Ты придала ему смысл. Нашим долгом было его почтить, обращая всеобщее внимание на последствия школьной травли, которую общество взрослых привыкло недооценивать, не замечать, отстраняться.

Вот почему в этом письме я настаивала:

«Мы просим Вас взять на себя ответственность за эту трагедию и сделать все возможное, чтобы одноклассники Марион, которые отпускали угрозы устно, на уроках в присутствии преподавателей или в «Фейсбуке», были наказаны и привлечены к ответственности во имя защиты детей».

Да, нам важно было знать, что школа разделяет нашу боль, берет на себя ответственность, поддерживает нас и даже помогает нам в поисках правды. Вместо этого она заняла оборонительную позицию, словно это мы, родители Марион, были врагами и виновниками. Нам не послали даже букета цветов. Словно ты не имела к ним никакого отношения, дорогая моя.

За следующие недели я убедилась в том, насколько школьная администрация замкнулась после твоей смерти. Это напоминало некую одержимость: защищаться, отрицать проблему, делать вид, будто ничего не произошло... Я не могу также сказать, что дети осознали всю опасность школьной травли, что они научились взвешивать свои слова, задумались о том, что слова могут убить.

Однако многие родители рассказали мне, что, когда они пытались расспрашивать директора, обеспокоившись климатом в колледже, и упоминали имя Марион, он тут же сухо затыкал им рот: «Вы ничего не знаете. Молчите о том, чего вы не знаете». В пятницу, через два дня после твоей смерти, одну из мам вызвали в колледж. Директор заставил ее подписать бумаги со словами: «Ваша дочь предрасположена к суициду, Вы должны обратить на это внимание».

Дама удивилась: «Это как-то связано с тем, что произошло с Марион?» Директор возразил: «Нет-нет, причина того, что случилось с Марион, в ее семье». Им срочно сказали искать другой колледж, сегодня или завтра, и в одно мгновение девочку доверили ее отцу, но разлучили с матерью.

Ты понимаешь, Марион? Все ученики колледжа – кроме тех, кто наверняка знал, в чем дело, – через несколько дней ушли на каникулы с такой мыслью в головах: «Она покончила с собой из-за проблем в семье, не стоит с ними контактировать и вообще об это говорить».

В один из вечеров я не выдержала. Я не могла больше выдерживать молчание колледжа и позвонила твоему классному руководителю, преподавателю физкультуры. Это было спустя пару недель после похорон, в марте. Примерно в 9:30–10 часов вечера, после ужина. Его жена подняла трубку и передала ее ему. «Добрый вечер, это мама Марион», – представилась я. Он ответил резким вопросом: «Почему вы мне звоните?»

Он не сказал: «Добрый вечер, мадам». Он не спросил меня о моем состоянии. Он не выразил соболезнования. Нет, только этот протест: «Почему вы мне звоните?»

Я начала снова, как будто бы исправляя ошибку: «Но я мама Марион. Марион Фрез – той, которая покончила с собой...» Он повторил: «Да, мадам. Почему вы мне звоните?»

Я почти плакала от переизбытка эмоций: «Вы помните, в декабре вы отдавали мне ее оценки. Она была лучшей ученицей. А теперь я плачу, потому что ее больше нет». Он ответил: «Да, мадам. Но вам не следовало мне звонить». Я продолжала: «Что-то произошло накануне ее смерти. Вы же были там. Ее последний урок был у вас. Что произошло?»

Я не могла ручаться, но, судя по сообщениям на «Фейсбуке», что-то стряслось именно во время того урока. Тебя донимали в раздевалке по поводу твоей груди и твоей одежды. Я хотела знать наверняка. Он уклонялся от ответа, повторяя, что не стоило ему звонить, а затем сказал ужасную вещь: «Мадам, жизнь продолжается».

Не для тебя, Марион, не для тебя. И для нас она тоже никогда не будет прежней. Я принялась плакать: «Но я не понимаю. Марион говорила мне, что вы очень добрый... Может быть, вы хоть что-то знаете?» Он повторил: «Нет, мадам. Не стоило мне звонить».

Я упрямылась: «Неужели вас не смущает то, что вы даете уроки тем, кто убил Марион?» Он ответил: «У меня не было выбора. Меня попросили продолжать – я продолжаю». Я даже не помню, попрощался ли он.

Глава 5

Мы остались одни

«Зачем ты допытываешься?»

Столкнувшись с безмолвием школьной системы, мы поняли, что должны вести битву за правду. Мы чувствовали себя настолько одинокими, столкнувшись лицом с тайной твоей смерти. Конечно, с нами были наши друзья, семья, учтивые полицейские, а главное – наш адвокат, месье Давид Пере, замечательный человек. Очень осмотрительный, он просто из кожи вон лез, не жалея своего времени, и всегда старался быть рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.